

всего, что весть о страшном поражении русских при Калке быстро распространилась и по соседним странам. В ливонской хронике Генриха Латвийского говорится о победе татар над половцами (вальвами), которым пришли на помощь русские, о поражении русских и гибели великого короля (князя) Мстислава Киевского, о спасении бегством Мстислава Галицкого и о гибели других 50 князей. Это событие автор хронике не без злорадства сопоставляет с известием о прибытии в Ригу послов смоленского и полоцкого князей, возобновивших мир с немцами.¹ Необыкновенная осведомленность Генриха Латвийского и сходство его сведений с повестью о Калкской битве в Новгородской летописи заставляет предполагать, что русские источники и были использованы ливонским хронистом.

Известно, как битва при Калке отразилась в русской народной поэзии. Калкское поражение представлялось началом бедствий русского народа, грозным предвестием Батыевой рати и порабощения Русской земли татарами. Это отразилось и в той замечательной повести о Калкской битве, которая помещена в Тверской летописи и представляет собой развитие сводной повести. „Зде написахом о них памяти ради русских князь и беды, яже бысть от них. Но не сих же ради сие случися, но гордости ради и величания русских князь попусти бог сему быти“.² Повидимому, вскоре же после Калкской битвы сложены были народные сказания, нашедшие отражение в сохранившихся былинах. Напомним здесь, что эпическая цифра 70 русских богатырей, павших в Калкском побоище, аналогична цифре 50 русских князей, убитых при Калке, по ливонской хронике. В этих цифрах отразились представления современников о размерах бедствия, постигшего Русскую землю. Былины о гибели русских богатырей показывают, что заключение „Слова о погибели Русской земли“ — „а в ты дни болезнь крестияном от великаго Ярослава и до Володимера и до нынешняго Ярослава и до брата его Юрья князя Володимерьскаго“ могли злободневно звучать после битвы при Калке, когда усилились нападения „поганых“, т. е. немцев и литовцев, от которых больше всего страдала Новгородская земля.

Новгород и был тем „отселе“, откуда смотрел на Русскую землю автор „Слова о погибели“. Поэтому он и называет Ярослава „нынешним“, так как Ярослав утвердился на княжении в Новгороде, примерно, с 1225 г. Поэтому и великий князь Владимирский Юрий в „Слове“ назван просто князем Владимирским, что опять характерно для новгородских летописей, тогда как Лаврентьевская летопись величает своих князей великими. Понятна и осведомленность автора „Слова“ о дышущем море и поганых тоймичах, куда постоянно совершались новгородские экспедиции, о немцах, которые ранее радовались, далече

¹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 222.

² Эта повесть о Калкской битве (ПСРЛ, XV, стр. 335—343) — явно ростовского происхождения (см. заключительные слова о Васильке Константиновиче Ростовском, который „взратися в свой Ростов съхранень богом“). В нее и вставлен рассказ о ростовском богатыре Алеше Поповиче.